

Проф. Н. А. Машкин

РИМСКИЕ ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПАРТИИ В КОНЦЕ II И В НАЧАЛЕ I в. ДО Н. Э.

К числу недостаточно освещенных проблем истории древнего Рима относится вопрос о политических партиях. Трудность разрешения ее состоит в том, что до 80-х гг. I в. мы не располагаем современными событиями источниками, исторические же писатели последующих периодов уделяли главное внимание истории отдельных лиц, выдающихся деятелей на фоне борьбы двух основных римских сословий: аристократии и плебса. Для истории последних полутора десятилетий I в. исключительное значение имеют произведения Цицерона, но политические отношения этого времени во многом не походили на прошлое, даже недалекое; понятия и лозунги приобрели иной смысл, чем прежде, и далеко не всегда те положения, какие можно вывести на основании данных Цицерона, следует распространять на периоды, предшествующие его деятельности.

Этим отчасти объясняется то, что в исторической литературе нового и новейшего времени нет ясности по интересующему нас вопросу. Недостаточно определенное решение вопроса обусловлено и тем, что историки подходили к римскому прошлому со своих классовых позиций, не учитывали различия формаций и классовой природы античного общества, переносили в прошлое то, что характерно для нового времени. Историки XVI, XVII и первой половины XVIII века не ставили вопроса о римских партиях¹. Впервые понятие «партия» употребляется английскими историками: Баумгартемом, Гутрие-Граем, а первым, кто говорит о римских партиях в смысле, близком к современному, был англичанин Фергюзон, нашедший своих последователей на континенте в начале XIX в. Нет сомнения, что партийная борьба в Риме не случайно стала изучаться в Англии, где уже в конце XVII в. партийная борьба приобрела большую роль в политической жизни². В начале XIX в. тезис о партийной борьбе в Риме получает широкое распространение. Гегевিশ (Hegewisch) в «Истории Гракханских беспорядков» писал: «Не было, возможно, ни одного государства без партий. В республиках весь народ разделен на партии...»³.

С точки зрения партийной борьбы излагает политическую историю конца республики Друман; для Моммзена она является постулатом, не вызывающим сомнения. «Всякая аристократическая система правления вызывает появление оппозиционной партии», говорит Моммзен в связи

¹ Н. S t r a s b u r g e r, *Optimates*, RE, Bd. 35, стр. 775 сл., где дается краткий обзор историографии вопроса.

² Без достаточных оснований сомневается в этой связи Штрасбургер (op. cit. стр. 777).

³ H e g e w i s c h, *Geschichte der Gracchischen Unruhen*, стр. 142 сл.

с историей появления новой аристократии. Давая обзор внутренней жизни Рима в середине II в., он пишет: «В Риме того времени пагубным образом сочеталось двойное зло: с одной стороны, выродившаяся олигархия, с другой—еще не развитая, но уже пораженная внутренним недугом демократия. Судя по названиям этих партий, которые появляются впервые в этот период, можно думать, что первые— «оптиматы»—предоставляют волю аристократов, а «популярные»—волю народа»¹. Изложение событий II и I вв. ведется Моммзеном с точки зрения партийной борьбы. Существование партий остается, по Моммзену, в основе своей неизменным, меняются лишь их руководители. Очень часто можно встретить у Моммзена выражения, подобно следующему: «Революция, задуманная вождями демократии, должна была начаться свержением существующего правительства в результате восстания, которое вызовут прежде всего в Риме демократические заговорщики»². Эти суждения свидетельствуют о том, что Моммзен не делал принципиального различия между политической борьбой XIX в. и явлениями римской политической жизни II—I вв. до н. э. Моммзен порицал или одобрял римские партии, морализировал по поводу их действий, но не ставил своей целью выяснить их существо. И у Моммзена, и у современного ему поколения либеральных и радикальных историков основная задача социальной истории сводилась к тому, чтобы уподобить явления далекого прошлого событиям XVIII—XIX вв., рассказать о них привычным для европейского политика языком, подыскать современные политические термины, соответствующие тем или иным античным понятиям. Подобный прием интерпретации материала способствовал, несомненно, развитию социальной истории, но он мешал установлению специфических ее особенностей. Античное прошлое наделялось несвойственными ему чертами. К. Маркс отмечает, что Моммзен открывает капиталистический способ производства уже во всяком денежном хозяйстве³.

Некоторые особенности римских политических партий отмечал Фюстель-де-Куланж, один из немногочисленных противников модернизации исторических явлений. Фюстель-де-Куланж обратил внимание на политическую и социальную роль патроната во II и I вв. до н. э., напоминающего в известных отношениях феодальную зависимость. Выводы Фюстель-де-Куланжа, стояли до известной степени особняком, большинство стояло на той же позиции, что и Моммзен.

Вопрос о политических партиях стал пересматриваться в последние десятилетия в связи, главным образом, с изучением просопографии, на которую обращено было внимание, в частности, при составлении всякого рода справочных изданий (особенно «Реальной энциклопедии» Паули-Виссова). В 1921 г. появилась книга М. Гельцера «Die Nobilität der römischen Republik», в которой автор поставил своей целью дать определение понятию «нобилитет» и охарактеризовать его роль в политической жизни позднереспубликанского Рима. В суждениях своих Гельцер стремился опереться на тексты документов, современных событиям; они, по его мнению, должны сыграть большую роль, чем суждения по аналогии с событиями других эпох, в чем косвенно, видимо, обвиняется Моммзен⁴. В первой части работы уточняются понятия *nobilitas*, *principes civitatis*, *hominines novi* и т. д.; вторая часть носит заглавие «Социальные предпосылки господства нобилитета»; в ней подчеркивается роль аристо-

¹ Т. Моммзен, История Рима (русс. пер.), т. I, 1936, стр. 280; т. II (русс. пер.), 1937, стр. 73.

² Т. Моммзен, История Рима (русс. пер.), т. III, 1941, стр. 141.

³ К. Маркс, Капитал, т. III, ч. II, 1938, стр. 693.

⁴ M. G e l z e r, Die Nobilität der römischen Republik, Vorbemerkung, Lpz.—Brl., 1912.

кратических котерий (*factiones*) в римской политической жизни; личные мотивы, семейные связи, свойство, дружба играли в римской политической жизни исключительную роль; патронат был одним из средств связи между нобилитетом и низшими сословиями. Вопрос о популярах и оптиматах в этой работе Гельцера не разбирается, но на основании всего изложения можно сделать заключение, что противоречия между аристократическими и демократическими принципами были отнюдь не основными в римской политической жизни. Гельцер пишет, например: «Движение Гракхов, происхождение которого нельзя свести к личным мотивам, содержало в достаточной степени элементы борьбы между различными *factiones*»¹. Далее автор приводит справку относительно родства, свойства и дружбы между сторонниками Гракхов. В последующих работах Гельцер идет дальше и приходит к заключению, что противопоставление оптиматов и популяров как двух партий, защищающих различные политические партии, основано на недоразумении. Термин *popularis* обозначал не партийную принадлежность, а скорее указывал, что тот или иной представитель нобилитета в своей борьбе с сенаторскими котериями обращался к народу, стремился опереться на народное собрание².

Тему, затронутую Гельцером, развивал Ф. Мюнцер в обширном исследовании «*Römische Adelparteien und Adelsfamilien*».

На первом плане у автора аристократические партии, аристократические роды имеют у него различное достоинство, некоторые из патрицианских родов Мюнцер называл княжескими (*fürstliche*).

История Римской республики распадается на периоды господства различных аристократических фамилий. Понятиями «оптиматы» и «популяры» Мюнцер не пользуется, но он имеет в виду противоположность между демократической партией (*die demokratische Partei*) и нобилитетом³. Труды Гельцера и Мюнцера оказали несомненное влияние на последующую историографию. Некоторые исследователи целиком приняли тезис Гельцера об оптиматах и популярах. Р. Сайм в монографии «Римская революция» считает, что «на политическую жизнь в Риме оказывали влияние и налагали свой отпечаток не кажущиеся противоположности между сенатом и народом, оптиматами и популярами, нобилиями и новыми людьми, но спор из-за власти, богатства и славы»⁴. Сайм отрицает существование партии популяров⁵, но иногда употребляет термин *populares* в смысле, близком к обычному, когда говорит, например, что «марианская традиция среди политиков поддерживалась людьми, называвшимися популярами»⁶. Решительнее говорит Сайм в рецензии на книгу Гельцера о Цезаре: «Не было, — утверждает он, — партии популяров, термин *popularis* относился к отдельным лицам и отдельным мероприятиям»⁷.

Обоснование того же положения находим мы в статье Штрасбургера «*Optimates*», помещенной в «Реальной энциклопедии» Паули-Виссова. Словом *optimates*, по мнению Штрасбургера, обозначался господствующий слой сенаторского сословия; термин этот соответствует по смыслу греческому *ἀριστοί*⁸. Понятие *popularis* могло относиться или к отдельному лицу, или же в качестве эпитета к отвлеченным понятиям, но отнюдь

¹ Gelzer, op. cit., стр. 108.

² M. Gelzer, *Die römische Gesellschaft zur Zeit Ciceros*, NJKPh, 1920; он же, *Caesar, der Politiker und Staatsmann*, I Aufl., 1921; III Aufl., 1943.

³ F. Münzer, *Römische Adelparteien und Adelsfamilien*, Stuttg., 1920, стр. 422.

⁴ R. Syme, *Roman Revolution*, Oxf., стр. 11.

⁵ Ibid., стр. 16, прим. 2.

⁶ Ibid., стр. 65, 72.

⁷ JRS., 1944, стр. 93.

⁸ Strasburger, op. cit., стр. 773 сл.

не к сообществу (Gemeinschaft).¹ Как понятие *populares* противопоставлялось слову *optimates* «в идеологическом, а не социологическом смысле»². В заключение автор считает возможным сказать, что в Риме в сущности отсутствовала демократическая оппозиция, тем более длительная и организованная³.

Положение Гельцера оказало влияние и на труды общего характера. Лэст в т. IX «Кэмбриджской древней истории», с одной стороны, подчеркивает роль демократического движения в Риме, особенно во времена Гракхов, противопоставлявших суверенитет народа могущественному сенату, но вместе с тем, ссылаясь на одну из статей Гельцера, утверждает, что Гракхов нельзя считать популярями в обычном смысле этого слова. «Еликие популяры Марий, Цицерон в начале своей деятельности, Цезарь, равно как в известный период своей деятельности и Август были настроены олигархически, так же как и их противники-оптиматы. Название *popularis* отмечает несущественную черту их деятельности»³. Существенным было то, что они были решительными противниками senatorского большинства, и обращение к народу было средством борьбы с нобилитетом. Нужно заметить, что Лэст далеко не последовательно проводит эти положения, навевая теория Гельцера. Автор говорит о сопротивлении *populares* и о том, что у их противников вырабатываются определенные политические положения. Таким образом, автор возвращается к тому положению, против которого возражал. Принципы политической борьбы, наличие организованной демократической партии в Риме отстаивал Энслин, сделавший ряд существенных замечаний, касающихся римской демократии, но не давший общего ответа на вопрос, поставленный в историографии⁴.

При обозрении многочисленных пособий по истории последних веков республики можно убедиться в некоторой неопределенности затронутых нами вопросов. В «Римской истории», вышедшей в серии Герке и Нордена, говорится о борьбе между популярями, как борцами за народ, и оптиматами, как представителями олигархии⁵. О партии популярей, выступающей с определенной программой и определенными методами борьбы, говорит Пиганиоль⁶. Хольмс не пользуется терминами «популярый» и «оптиматый», но говорит о борьбе между аристократической и демократической партиями⁷.

В русской историографии истории борьбы партий в политической жизни республики уделялось большое внимание. Особенное значение имеют в этом отношении «Очерки по истории Римской империи» Р. Ю. Виппера; С. И. Протасова отмечала две тенденции в римском демократическом движении: традиционную римскую и греческую, с которой передовых римских политических деятелей знакомили греческие трактаты и которую пропагандировали греческие учителя⁸.

Поднятые вопросы, касающиеся римских политических партий, заслуживают большего внимания, чем это обычно представляется; дискуссию об оптиматах и популярях отнюдь нельзя свести лишь к терминологическим спорам.

¹ Ibid., 7, стр. 782.

² Ibid., стр. 796.

³ САН, IX, стр. 137.

⁴ W. Ensslin, Die Demokratie und Rom, «Philologus», 1927.

⁵ J. Vogt und E. Kornemann, Römische Geschichte, Lpz.—Brl., 1933, стр. 24.

⁶ A. Piganiol, Histoire de Rome, P., 1946, стр. 139.

⁷ T. K. Holms, The Roman Republic and the founder of the Empire, Oxf., 1923; E. Ciaceri, Cicerone e i suoi tempi, I, 1939, II, 1941.

⁸ С. И. Протасова, Борьба общественных течений в Риме в эпоху Гракхов («Из далекого и близкого прошлого», сб. в честь Н. И. Кареева, 1923).

В чем сущность исследовательских приемов Гельцера и его последователей? Можно отметить два существенных пункта: смысл тех или иных понятий устанавливается на основании сопоставления текстов; их выводы, таким образом, как бы вытекают из самого контекста античных авторов, а не конструируются по аналогии с явлениями других эпох. Во-вторых, на основе систематизации данных просопографии, т. е. биографических сведений, касающихся всех упоминаемых античными памятниками лиц, делаются заключения о составе римской аристократии, о политических связях и коалициях, о характере борьбы и т. п. Исследования такого рода имели несомненно известное значение, поскольку они пролили свет на некоторые особенности политической жизни республиканского Рима, но они отличались существенным недочетом, поскольку оставляли без внимания рабовладельческий характер римского общества, а некоторые несущественные производные явления римской политической жизни приняты были в них за основные и определяющие.

Главный вывод Гельцера, наиболее последовательного представителя этого течения, сводящийся, как мы видели, к тому, что для политической жизни Рима характерна не борьба между аристократией и демократией, а борьба между аристократическими котериями, в существе своем направлен на затушевывание классовой борьбы в Риме. История римских политических партий неотделима от политической, а следовательно, и классовой борьбы.

Прежде чем перейти к решению вопроса об оптиматах и популярах, обратим внимание на то, как расценивают политическую борьбу II и I вв. до н. э. античные источники. Памятников современных событий II в., как мы уже отмечали, не сохранилось, но последующую традицию нельзя оставить без внимания. Аппиан, например, говорит о борьбе между богатыми (οἱ πλούσιοι) и бедными (οἱ πένητες)¹. У Плутарха также говорится о злоупотреблении богатыми и о недовольстве бедных как основных явлениях, предшествующих реформе старшего Гракха². Народ (ὁ δῆμος) является той общественной силой, в интересах которой действуют Гракхи. И Плутарх и Аппиан называют их сторонников, но последние побуждают их к реформаторской деятельности, помогают им³, но отнюдь не являются какой-то кликой, в интересах которой Гракхи действуют. Краткие рассказы Веллея Патеркула и Аврелия Виктора сосредоточивают внимание на биографии деятелей, но не нарушают того впечатления, какое создается на основании Плутарха и Аппиана. Общий взгляд на политическую борьбу как на борьбу партий находим мы у Саллюстия. «Что же касается духа партий и клик и проистекающих отсюда всех дурных качеств, то они появились в Риме незадолго до этого» (*Ceterum mos partium et factionum ac deinde omnium malarum artium paucis ante annis Romae factus est*). Поскольку *partes* употребляется в качестве синонима *factiones*, мы имеем все основания передать этот термин словом «партия». Из дальнейшего вытекает, что под этими двумя «партиями» имеются в виду *nobilitas* и *populus*. Саллюстий говорит, что вскоре после гибели Карфагена «знать стала злоупотреблять привилегированным положением, народ—свободой...» (*nam coepere nobilitas dignitatem, populus libertatem in lubidinem vortere*). Впрочем слово *pars* также сохраняет и первоначальный смысл: «таким образом все распалось на две части» (*in duas partes*)⁴. Деятельность Гракхов расценивается Саллюстием как возвращение свободы плебам и разоблачение преступных деяний знати

¹ А р р., В. civ., I, 7 и др.

² P l u t., Ti. Gracch., 8.

³ Особенно P l u t., T. Gracch., 8.

⁴ S a l l u s t., Jug., 41.

(... nam postquam Ti. et C. Gracchus ... vindicare plebem in libertatem et paucorum scelera patefacere coepere...)¹. В борьбе с ними нобилитет опирался то на союзников, то на латинян, то на всадников². Данное место Саллюстия не дает возможности иных толкований, кроме следующего: автор имеет в виду борьбу плебса и нобилитета; каждая из этих общественных групп составляет политическую партию; защитники плебса выступают против нобилитета, тот борется с ними, опираясь на другие социальные элементы. Нобилитет берется не как совокупность кланов, а как единое целое. Штрабургер толкует это место в том смысле, что Саллюстий имеет в виду замкнутый плебс и отдельных трибунов³, но каким образом получается такая интерпретация? Штрабургер полагает, что приведенное выше место из «Югуртинской войны» является параллельно и дальнейшим развитием главы 38 из «Заговора Катилины», а в том месте говорится, что после того, как в консульство Помпея и Красса (в 70 г.) восстановлена была трибунская власть, некоторые пылкие молодые люди возбуждали народ против сената, против них же действовала большая часть нобилитета. В заключении главы Саллюстий указывает, что одни стремились показать себя защитниками прав народа, другие — сенатского авторитета, но каждый заботился о своем положении⁴. Ошибка Штрабургера состоит в том, что он отождествил два различных суждения Саллюстия. Одно из них касается того, что происходило в период между разрушением Карфагена (точнее — даже со времени выступления Тиберия Гракха) и до начала Югуртинской войны; другое — со времени консульства Помпея и Красса до заговора Катилины. Это разные периоды, и по-разному характеризует Саллюстий социально-политическую ситуацию.

Приведенные выше данные, число которых можно было бы умножить, не оставляют сомнения в том, что политическая борьба конца II и начала I в. (со времени Гракхов до Суллы) была в основе своей борьбой между имущими и неимущими, бедными и богатыми, привилегированными и бесправными, аристократией и демократией. Но какими методами велась эта борьба? Имеет ли мы основания говорить о политических партиях в античном обществе? «В обществе, основанном на делении классов, борьба между враждебными классами неизбежно становится, на известной степени ее развития, политической борьбой. Самым цельным, полным и оформленным выражением политической борьбы классов является борьба партий». Так говорит о политической борьбе в развитом классовом обществе Ленин⁵. Несомненно, что сформулированное Лениным положение может быть отнесено и к Риму эпохи Республики.

Борьба велась между двумя основными социальными прослойками римского свободного населения, но руководили борьбой и аристократии и плебса наиболее активные, сознательные, в той или иной степени организованные их группы, которые и могут быть названы партиями.

Только что приведенное место из Саллюстия дает основание говорить о двух основных политических партиях в Риме. В согласии с Саллюстием стоит положение Цицерона, утверждающего в «de re publica», что в одном государстве существует как бы два народа и два сената. Образ действий Гракха во время Трибуната, а затем его смерть разделили народ на две части (партии):... non quaerit cur in una re publica duo senatus et duo paene iam populi sint? nam, ut videtis mors Tiberii Gracchi et

¹ Ibid., 42.

² Ibid., 42.

³ Strasburger, op. cit., стр. 785.

⁴ Sallust., Cat., 38.

⁵ Ленин, Соч., т. VIII, стр. 415.

iam ante tota illius ratio tribunatus divisit populum in duas partes¹. Как и у Саллюстия, слово *partes* имеет здесь и первоначальный смысл— «части» и вторичное значение— «партии». Последнее вытекает не столько из буквального толкования, сколько из общего смысла. Если для Саллюстия в Римском государстве с некоторых пор обострилась борьба между нобилитетом и плебсом, то для Цицерона и сенат и народ разделены на две партии. Основание для такого толкования дает нам рассуждение Цицерона в речи за Сестия о двух политических направлениях в Риме. Для рассматриваемых нами вопросов соответствующий текст из «*pro Sestio*» имеет исключительное значение, ибо на основании его, видимо², был сформулирован вопрос об оптиматах и популярах.

Речь Цицерона за Сестия произнесена была в 56 г. Публий Сестий, народный трибун 57 г., вместе с Милоном ратовал за возвращение Цицерона, но после того как сложил полномочия, был привлечен к ответственности, обвиненный в насилии. Речь, произнесенная Цицероном в его защиту, была в то же время и обвинительной против Клодия, бывшего в 58 г. трибуном и изгнавшего Цицерона из Рима. Цицерон ставит вопрос, можно ли считать борьбу Клодия продолжением традиционной борьбы двух основных политических направлений в Риме, и в этой связи говорится: «Всегда в государстве этом существовали два рода людей (*duo genera*), которые занимались политикой и старались действовать с наибольшим успехом. Одни из них хотели и называться и быть популярами, другие—оптиматами. Те, кто говорил и действовал, желая быть приятным народу (*sa...multitudini iucunda volebant esse*), были популяры, те же, которые действовали таким образом, чтобы найти подтверждение своим намерениям в глазах наилучших (*optimo cuique*), были оптиматами»³. Следует обратить прежде всего внимание на то, что оптиматы противопоставляются популярам. Те и другие считаются людьми, которые посвятили себя политической деятельности (*versari in re publica*). Цицерон говорит не о *partes*, а о *genera*, но подчеркивая противоположность. Нужно обратить внимание на тенденциозность Цицерона: по форме он как будто дает толкование тому и другому понятию. На самом же деле он дает отрицательную характеристику популярам, так как они, заискивая перед народом, действовали демоagogически) и идеализирует оптиматов, самое наименование которых подчеркивает, что они действовали «наилучшим образом». В соответствии с этим и в духе своей теории согласия сословий (*concordia ordinum*) Цицерон доказывает, что «лучших» бесчисленное количество (*numero.., innumera-biles*) и относятся они к разным группам населения: среди них оказываются и сенаторы, и жители муниципиев, и простые поселяне, и всякого рода предприниматели, и даже вольноотпущенники. Объединяет всех оптиматов не сословная принадлежность. К оптиматам относятся все те, кто не опорочил себя преступлениями, кто не является дурным по самой своей природе, люди не озлобленные (*nes furiosi*), те, кто не запутался в семейных делах. Они служат государству и являются его защитниками⁴. Оптиматы дают направление развитию государства. Под охраной же и защитой государства Цицерон понимает консервативные начала Римского государства: религиозные обычаи, ауспиции, власть магистратов, авторитет сената, законы, обычай предков, правосудие, судопроизводство, провинции, союзников, достоинство власти, военное дело, казну (*religiones,*

¹ *Cic., de re pub., I, 19, 31.*

² Мы делаем эту оговорку, так как найти соответствующее исследование у старых историков нам не удалось, но на приводимое место из Цицерона опираются даже старые справочные пособия.

³ *Cic., pro Sestio, 45, 96.*

⁴ *Ibid., 45, 97.*

auspicia, potestates magistratum, senatus auctoritas, leges, mos maiorum, iudicia, iuris dictio, provinciae, socii, imperii laus, res militaris, aerarium)¹.

Оптиматам приходится вести борьбу с людьми, которые вследствие своих пороков и запутанности дел стремятся к ниспровержению государства, к гражданским войнам и мятежам. Таким образом, начав с установления общеизвестной слушателям его истины о двух направлениях в политической жизни, Цицерон перешел сразу же к тенденциозной идеализации оптиматов, для того чтобы показать, что только они являются истинными патриотами, борьба же против тех начал, какие они защищают, это— путь гражданских мятежей. Истые оптиматы всегда выступали против нарушителей общественных устоев, не останавливаясь перед тем, что выступления их вызовут нарекания большинства. Они боролись с аграрным законом Тиберия Гракха и хлебным законом его брата². Эти нападки направлены против популяров, но прямо об этом не сказано: в изложении Цицерона противопоставляются благонамеренные защитники государственных начал и противники их— люди безрассудные и потерянные.

Но что под последними имеются в виду популяры, видно из предложения, резюмирующего сказанное и служащего переходом к следующему положению: «Много раз и на нашей памяти, мимо чего сознательно прохожу, случалось в этой борьбе, что домогательства популяров (*popularis cupiditas*) встречали сопротивление первых людей». Исходя из контекста, под *popularis cupiditas* нельзя разуметь возникшие стихийно народные требования. Это именно «домогательства популяров», поддержанных большинством.

Столкновения оптиматов и популяров, однако, по Цицерону— дело прошлое. «Нет теперь ничего такого, в чем бы народ не соглашался с лучшими и заслуженными людьми». Нет прежних стремлений к переворотам; все стремятся к покою и заботятся о славе государства³. В этом суждении Цицерон далек от истины. Странно читать об этом про то время, когда волнения были повседневным явлением, подробности об этих волнениях мы узнаем из сочинений того же Цицерона. Данный тезис формулирован для того, чтобы показать преступность людей мятежных и беспокойных (*homines seditiosi et turbulentes*), которые не могут уже смутить плебс какими-либо предложениями и обращаются к наемникам, производящим беспорядки. Так не поступали, указывает Цицерон, Гракхи или Сатурнин, или другой кто-нибудь из старых популяров⁴. Таким образом, все рассуждения Цицерона сводятся к тому, что поступки Клодия нельзя сравнить с поведением прежних руководителей плебса. Нигде Клодий не назывался популяром. В соответствующем контексте Цицерон не употребляет термина *popularis*, а называет Клодия иронически *plebicola*⁵. Итак, рассуждения Цицерона об оптиматах и популярах подчинены основной задаче его речи— обелить Сестия и обвинить Клодия. Цицерон идеализирует оптиматов, отрицательно относится к популярам, но вместе с тем прилагает усилия, чтобы противопоставить их Клодию и его сторонникам, показать, что Клодия и его приверженцев нельзя отнести к издавна существующей и легализованной политическими традициями группировке. Не давая исчерпывающих сведений об оптиматах и популярах, комментированное место из Цицерона не оставляет сомнений в том, что тех и других он считает представителями двух основных политических направлений, издавна существовавших в Римском государстве.

¹ Ibid., 46, 99.

² Ibid., 46, 99—48, 103.

³ Ibid., 49, 104.

⁴ Ibid., 49, 105.

⁵ Ibid., 52, 110.

Возвращаемся к замечанию Цицерона в трактате «de re publica» о двух партиях (частях) в государстве. Цицерон указывал, что к оптиматам могут принадлежать люди, относящиеся к разным социальным группам, то же можно, видимо, отнести и к людям другого политического течения; отсюда и получается, что и сенат и народ разделены на две части (партии); «части» эти—оптиматы и популяры.

Штрасбургер толкует разобранное место в речи «pro Sestio», 45,96 таким образом: *populares* не собирательное имя, а множественное число; *populares* не составляют единства с народом, а противопоставляются большинству. Это «друзья народа», вожди, а не сам народ¹. Такая интерпретация дает очень мало. У Цицерона идет речь о тех, кто занимается политикой (*duo genera semper in hac civitate fuerunt eorum qui versari in re publica atque in ea se excellentius gerere studuerunt*)². Никто не отождествлял *populares* с *multitudo*.

Взяв указанное положение Цицерона вне контекста и уклонившись от его толкования, не опровергнув того положения, что популяры противопоставляются оптиматам, Штрасбургер вслед за Гельцером приводит ряд иных мест из Цицерона, где *popularis* имеет иное значение. Подобный «филологический» прием методологически неправомерен, и в основе его лежит *petitio principii*: постулируются как неоспоримые истины два положения: во-первых, что Цицерон всюду употребляет понятия в одном значении, и, во-вторых, что понятие *popularis* не претерпевало изменений в ходе исторического развития. В тех цитатах из Цицерона, которые опровергают якобы тезис о противоположности оптиматов и популяров как двух политических течений, понятие *popularis* (или *populares*) употребляется в значении «демагога», пользующегося доверием народа или, наоборот, лишенного такового³. Не будем анализировать эти примеры; нет оснований давать другое их толкование, но нет основания считать, что они дают истинное и единственное понимание Цицероном слова *popularis*. Последнее употреблялось в различных смыслах, как и многие слова современного политического лексикона.

Противопоставление понятий *optimates* и *populares* найдем мы и у Тита Ливия. Отнесено это противопоставление к глубокой древности. Марк Гораций Барбат, выступая против децемвиров, упрекает их в узурпации власти, говорит, что после изгнания царей избраны были патрицианские магистраты, а после сецессии плебеев—плебейские. «К какой же они, децемвиры, принадлежат партии? популяров? Но что они провели при посредстве народа? оптиматы? Это те, кто почти год не собирал сенат!»⁴. Конечно, в V в. не могло быть ни оптиматов, ни популяров. Тит Ливий допускает явный анахронизм. Штрасбургер считает, что это место отражает понимание самого Ливия, слово *partes* не употреблялось в значении «партии», данный текст стоит изолированно по отношению к Цицерону⁵. Но Тит Ливий не мог внести своего, современного ему толкования. Борьба между оптиматами и популярями была делом прошлого. Он взял это место у кого-нибудь из младших анналистов, может быть, у Лициния Макра. «Partes» в данном контексте может вполне быть передано термином «партии», так, следовательно, и мог он употребляться и в годы младших анналистов и в дни Ливия. Если отказаться от теории однозначности терминологии у Цицерона, то текст Ливия вполне соответствует тому, что говорится у Цицерона в гл. 45 «Pro Sestio» и в 52 гл. I книги de re publica.

¹ Strasburger, op. cit., стр. 783.

² Cic., pro Sestio, 45, 96.

³ Cic., de lege agr., II, 7; in Catil., IV, 10; ad Att., II, 19, 2; 20, 4 etc.

⁴ Liv., III, 39, 9.

⁵ Strasburger, op. cit., стр. 783.

История II и I вв. у Тита Ливия не сохранилась, но в эпитамах об убийстве Тиберия Гракха, например, говорится: «когда Гракх захотел стать второй раз трибуном, он по инициативе Публия Корнелия Назики убит был на Капитолии оптиматами» (*cum iterum tribunus plebis creari vellet Gracchus, auctore P. Cornelio Nasica in Capitolio ab optimatibus occisus est*)¹. Оптиматы, следовательно, определенное политическое направление. В таком же смысле термин этот употребляется и Светонием².

Таким образом «филологическое» доказательство Гельцера и его последователей не выдерживает критики. Напомним рассуждение историков этого направления по существу. Политических партий в Риме, по их мнению, не существовало, оптиматы—это благородные, лучшие, популярные—те, кто борется против сенаторской аристократии, обращаясь к народу. И в этом случае игнорируется основное: противоречие между нобилитетом и плебсом. Если допустить даже их толкование термина *popularis*, то все же остается неопровержимым положение: популярны обращаются к народу, привлекают его демократическими законопроектами; следовательно, народ, плебс, большинство (*populus, plebs, multitudo*) находится в противоречии с сенаторской знатью, нобилитетом, оптиматами. Не из анализа просопографических данных, а из этого противоречия внутри свободного класса рабовладельческого общества и нужно исходить при изучении истории римских партий.

Исследование этой истории не может входить в задачи небольшой статьи. Ограничимся поэтому указанием на основные ее этапы. Оптиматы и популярны, как две политических группировки, появляются в 30-х годах II в. до н. э.; судя по Цицерону, трибуна Тиберия Гракха и положил начало оформлению этих двух течений. Главное требование популярнов—широкие аграрные мероприятия. В этом отражается одно из главных противоречий римского общества. «Внутреннюю историю (римской республики до Августа),—говорит Маркс,—можно plainly свести к борьбе мелкого землевладения с крупным, разумеется вводя те модификации, которые обуславливаются существованием рабства»³. В конце II в. нобилитету, экономической основой которого было крупное, основанное на рабском труде землевладение, противостояло мелкое крестьянство, которому грозило обезземеление. Но поскольку увеличилось число городских плебеев, *plebs urbana*, со времен Гая Гракха стали играть немалую роль *leges frumentariae* «хлебные законы».

Наряду с экономическими приобрели большое значение политические требования, сущность которых сводилась к ограничению власти сената и утверждению суверенитета народного собрания.

Классический период борьбы между популярными и оптиматами продолжался недолго: он начинается со времени выступления Тиберия Гракха и кончается подавлением движения Сатурнина. Характерной чертой этого времени является принципиальность борьбы, широкая программа мероприятий, предлагаемых популярными; на первом месте стояли у Гракхов народ и государство; моменты личные, семейные, если и имели место, то играли второстепенную роль. Положение меняется уже в конце II в.; такие приемы, как политические убийства, подкупы, организация особых дружин, входят в практику политической борьбы. Нельзя видеть в этом какую-то моральную деградацию римского общества; объяснение следует искать в обострении классовой борьбы. В дни Гракхов решающее значение имело в народных собраниях крестьянство, но успешное в из-

¹ Liv., ep. 58.

² Suet., Caes., 1, 11, 15, 19, 49; Aug., 12; Tib., 2.

³ Маркс и Энгельс, Соч., т. XXII, стр. 89.

вестных отношениях аграрное законодательство не спасло его от обнищания, вместе с которым падал его удельный вес в политической жизни. Если в качестве непосредственных производителей все большее и большее значение приобретали рабы, в политической жизни возросла роль городских плебеев, число которых увеличилось и за счет разорившихся крестьян, и за счет отпущенных на волю рабов. Основную массу городского плебея составлял пролетариат, не имевший постоянных источников к существованию, отвыкавший от производительного труда, превращавшийся в паразитический класс римского общества.

Маркс приводит слова Сисмонди, который утверждал, что «римский пролетариат жил на счет общества, тогда как современное общество живет на счет пролетариата»¹. Соответственно этому изменились и методы политической борьбы. Вопрос о снабжении дешевым хлебом столичного населения (*leges frumentariae*) фигурирует во всех более или менее значительных законодательных мероприятиях, обе партии стремятся завербовать себе сторонников такими средствами, которые считались официально недопустимыми (подкуп, наказуемый по *leges de ambitu*, насилие, каравшееся по *leges de vi*).

После военных реформ Мария, изменивших социальный состав армии и придавших ей в известных отношениях характер профессионального войска, большую роль в политической жизни приобрели ветераны, добивавшиеся наделов и готовые любыми средствами поддержать своих покровителей. Видные полководцы, имеющие преданных солдат, стали играть большую роль в политической жизни. Среди нобилитета выделилась группа лиц (*potentes*—«магнаты»), известная выдающимися богатствами, связями с провинциями, военной славой и т. д. Социальная и политическая борьба внутри свободного класса осложнялась борьбой с рабами, выступления которых приняли угрожающий характер, особенно в годы Спартаковского восстания (74—71), а также внешнеполитическими затруднениями (борьба с Митридатом, галльский вопрос и пр.). В результате Союзнической войны число граждан увеличилось в несколько раз, следовательно те, кто собирался в Риме на комиции, составляли меньшинство. На очереди стоял вопрос о военной диктатуре. Борьба Мария и Суллы является началом нового этапа политической борьбы в Риме. Лозунги оптиматов и популяров сохранились, но они теряли свою жизненность, они прикрывали лишь домогательства военных вождей, стремившихся к захвату власти. Обе группировки обвиняли взаимно друг друга в тирании, на свержение ее направляли войска. Сулла объявлял себя оптиматом, Марий и Цинна хотели показать себя популярами², но далеко не оправдывали традиции своих предшественников. Борьба принимает характер личной борьбы. Может быть, с этого времени термин *pars* употребляется обычно с собственным именем: *pars Sullana*, *pars Caesaris* etc. Господство сулланской олигархии, ненавистное большинству свободного населения, привело к идеализации Мария; «Партия Мария» стала синонимом партии популяров.

Консолидация рабовладельческих групп после подавления восстания Спартака привела к некоторым политическим изменениям: в 70-х гг. была в основных своих чертах восстановлена досулланская конституция; народное собрание получило как будто исключительное значение в политической жизни, борьба за магистратуры отличалась необычайной остротой. В 65 г. Цезарь восстановил статуи и трофеи Мария, партия популяров была

¹ М а р к с и Э н г е л ь с, Соч., т. XIII, ч. I, стр. 313, ср. М а р к с, Капитал, т. I, 1937, стр. 559.

² Против этого возражает Беннет (H. B e n n e t, *Cinna and his times*, 1923), но он не учитывает, что при Марии и Цинне происходит деградация партии популяров.

как будто восстановлена. Но все это не было прочным. Потеряло политическое значение свободное крестьянство, основная опора римского демократического движения; городской же плебс мог устраивать беспорядки, но не мог и не хотел добиваться существенных перемен. Демагогия, подкуп приобрели большое значение. Отсюда деградация понятия *popularis*. Популяры—это не только человек определенных политических убеждений, это скорее всего демагог, тот, кто заигрывает с толпой; так употребляет этот термин Цицерон после перехода в лагерь оптиматов, но сам он в начале политической своей карьеры боролся с нобилитетом, прошел в консулы при поддержке плебса и еще в начале своего консулата назвал себя демократическим консулом, *consul popularis*¹.

Так можно объяснить то обстоятельство, что у Цицерона термин *popularis* относится иногда к отдельным лицам и мероприятиям, а Саллюстий им не пользуется.

Негласное соглашение между Помпеем, Цезарем и Крассом нанесло удар могуществу сената. Демократические лозунги и в 59 г. и в последующие годы в политической фразеологии играли большую роль, но демократическое движение, лишенное основной социальной базы, было на ущербе, а гражданская война между Помпеем и Цезарем нанесла непоправимый удар римской политической системе.

Признав, таким образом, возможным говорить об оптиматах и популярах, как двух устойчивых политических течениях, которые мы можем называть политическими партиями, мы не должны допускать ошибки историков школы Моммзена, модернизовавших политическую жизнь позднереспубликанского Рима, и должны оттенить характерные особенности римских политических партий.

Популяры и оптиматы не были последовательно организованными политическими партиями, имеющими постоянных членов и нечто, напоминающее центральный партийный аппарат, действовавший регулярно и существовавший обособленно от государственных учреждений. Более организованными и последовательными в проведении своих принципов были оптиматы, опорой их был сенат, популяры проводили свои мероприятия через народных трибунов, которые, как правило, опирались на трибунные комиции, но настроение последних менялось в зависимости от самых различных обстоятельств. Большое значение имело то, что комиции не имели политической инициативы. Только магистрат (обычно трибун, реже консул) мог взять на себя инициативу провести новый закон. Нужно, однако, отметить, что этим нельзя объяснить недостаточно большую роль римской демократии. Основное значение имел социальный строй Рима, сохранявший в силу исторических условий аристократические основы. Даже в периоды своего подъема римское демократическое движение никогда не достигало того уровня, на котором оно находилось в некоторых греческих городах в период их расцвета. Так, например, не было случаев, чтобы народ (плебс) сам выдвигал из своей среды политических деятелей, которые последовательно защищали бы его интересы. Руководители партии популяров принадлежали, как правило, к сенаторской знати. Из *homines novi*, проводивших (далеко, впрочем, не последовательно) программу популяров, известен только Марий, но и он считал нужным путем брака сблизиться с патрицианским родом Юлиев.

Патронат и клиентела были теми организационными принципами, на которых были основаны римские политические партии. Патронат возник еще в эпоху разложения римского первобытнообщинного строя. В разные эпохи римской истории он играл различную роль. В эпоху

¹ *Ci c., de lege agr., II, 37, 102.*

поздней республики он связывал тех или иных деятелей с массой населения. *Fides*—верность (личная)—считалась обязательной и для патрона и для клиента. Нарушение ее рассматривалось почти как религиозное преступление. Клиентские связи, переходившие по наследству от отцов к детям, в лагере оптиматов были несравненно шире, чем у популяров; этим объясняется то обстоятельство, что в народных собраниях проходили предложения, идущие явно в разрез с интересами плебса.

Однако принцип патроната и клиентелы был в существе своем демократичен, и если вожди популяров и имели лично преданных им друзей и клиентов, то все же последние не считались им равными. В результате личный момент играл большую роль. Даже периоды подъема демократического движения связаны с деятельностью тех или иных лиц (Гракхов, Сатурнина, Друза и пр.). Случаи ренегатства были далеко не редки. Переходом в лагерь оптиматов завершили свою карьеру такие крупные деятели, как Гай Папирий Карбон, народный трибун 131 г., человек, близкий Гракху, Гай Меммий, трибун 111 г., вызвавший в Рим Масиниссу. Что же касается рядовых деятелей, то нередко трибуна́т и предложения в духе популяров были средством приобрести известность и определенной ступенью в политической карьере.

На комиции и на сходки (*contiones*), приобретшие со времени Гая Гракха большое значение и напоминавшие политические митинги, выносилось далеко не все, что связано с политической деятельностью. В 60-х гг. большое значение приобрели квартальные коллегии, бывшие своего рода политическими клубами и внушавшие опасения аристократам. В 64 г. они были запрещены, разрешены по закону Клодия в 58 г. и закрыты снова Юлием Цезарем.

Коллегии способствовали объединению и консолидации демократических элементов, но далеко не всегда они были в курсе всех политических событий и являлись часто орудием в руках той или иной политической группы. В результате такого положения вещей большую роль в политических партиях играли закулисные интриги, сводились иногда старые фамильные и родовые счеты.

История этой борьбы подробно исследовалась историками просопографического направления¹, но вместо того чтобы конкретизировать отдельные положения, в работах упомянутых исследователей этой борьбе придавалось большое значение. Притязания отдельных лиц, личные их мотивы, аристократические партии и группировки были двигателями политической истории. Не входя в детали, которые заставили бы нас излагать чуть ли не всю историю II и I вв., ограничимся некоторыми замечаниями по существу вопроса. Нашим источникам известно значение выдающихся римских родов, но ни один из античных историков не придает борьбе или союзам между ними, а также коалиции семей решающего значения. Об исключительной роли Метеллов в возвышении Суллы можно прочитать у Каркопино², но о ней не знают античные авторы; многое о закулисных интригах известно нам из переписки Цицерона, узнаем мы у него о династических браках, политических свиданиях и пр., но нет ни одного замечания Цицерона, из которого следовало бы, что они играли решающую роль.

Мюнцер и другие историки, коллекционируя факты, говорящие о взаимной поддержке людей, принадлежавших к одному роду или какой-нибудь его ветви, оставляют в стороне или во всяком случае не объясняют слу-

¹ Особенно Мюнцером (*F. Münzer* op. cit.); ср. работы Гельцера, Каркопино, Сайма и др.

² *J. Carcopino, Sylla ou la monarchie manquée*, Paris, 1931.

чаи борьбы между сородичами, родственниками или свойственниками. Приведем несколько наиболее известных примеров. П. Корнелий Сципион Эмилиан был решительным противником Тиберия Гракха, хотя женат был на его сестре, а Корнелия, мать Тиберия, после усыновления Эмилиана сыном Сципиона Африканского приходилась ему теткой. Луций Валерий Флакк был в 100 г. консулом вместе с Марием, а потом проводил предложения, угодные Сулле, тогда как другой Л. Валерий Флакк, консул 86 г., был противником Суллы и должен был заменить его в борьбе с Митридатом. Л. Юлий Цезарь, консул 64 г., и одноименный его сын были противниками Гая Юлия Цезаря (диктатора). Рассказы о том, как во время проскрипций дети, жены, родственники выдавали своих близких, можно считать общим местом во многих античных памятниках. Веллей Патеркул (II, 67), говоря о проскрипциях 43 г., считает примечательным то, что больше всего верность по отношению к проскрибированным проявлена женами, за ними следуют вольноотпущенники, потом рабы, и никакой верности не было у сыновей. Примеры можно было бы умножить, но на основании сказанного мы можем заключить, что аристократические партии, коалиции и пр., если и играли известную роль в римской жизни, то во всяком случае не большую, чем в другом обществе, где сохраняют свое значение аристократические начала. Изучение просопографии должно конкретизировать наши сведения по римской политической и социальной истории, но не должно быть направлено на затушевывание социальной борьбы.

История римских политических партий—мало изученный вопрос социальной и политической истории древности. Конкретное изучение ее должно освободить нас от тех модернизаторских представлений, какие сохранились еще со времен историков моммзеновской школы. Нужно, однако, учесть, что критика Моммзена историками «просопографического направления» велась с неправильных методологических позиций. Методы их исследования по видимости являются точными, наукообразными, они могут быть приняты за последнее слово науки. Но анализ их доказательств раскрывает логическую их порочность и приводит к заключению, что выводы их так же ошибочны, как и заключения буржуазных историков прежнего поколения. Критическое рассмотрение буржуазного наследия должно помочь историку-марксисту наметить правильные пути разрешения вопроса о римских политических партиях. Не претендуя на исчерпывающее исследование этой проблемы, мы хотели привлечь внимание советских историков античности к вопросу, с которым мы сталкиваемся постоянно в процессе преподавания и изучения римской истории, но который не освещался еще в нашей литературе.

